

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Алексей Толстой
СКАЗКИ

*Издательство
„Детская литература“*

7-908
КНИГА ЗА КНИГОЙ

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

СКАЗКИ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1989

Художник
А. БОРИСОВ

Толстой А. Н.

T52 Сказки/Худож. А. Борисов. — Первое изд. — М.:
Дет. лит., 1989. — 32 с.: ил. — (Книга за книгой).
ISBN 5-08-000664-7

В книжку вошли сказки из сборников «Русалочьи сказки», «Сорочьи сказки»,
«Сказки и рассказы для детей».

T 48030102-239 304-89
M101(03)-89

ББК P2

ISBN 5-08-000664-7

Состав. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1989

ИЗ СБОРНИКА «РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ»

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И АЛАЯ-АЛИЦА

Скучно стало Ивану-царевичу, взял он у матушки благословение и пошел на охоту. А идти ему старым лесом.

Настала зимняя ночь.

В лесу то светло, то темно; по спелому снегу мороз потрескивает.

Откуда ни возьмись выскочил заяц; наложил Иван-царевич стрелу, а заяц обернулся клубком и покатился. Иван-царевич за ним следом побежал.

Летит клубок, хрустит снежок, и расступились сосны, открылась поляна, на поляне стоит белый терем, на двенадцати башнях — двенадцать голов медвежьих... Сверху месяц горит, переливаются стрельчатые окна.

Клубок докатился, лунь-птицей обернулся: сел на воротах. Испугался Иван-царевич, — вещь птицу застрелить хотел, — снял шапку.

— Прости глупость мою, лунь-птица, невдомек мне, когда ты зайцем бежал.

— Меня Алая-Алица, ясная красавица, жиждова пленница, за тобой послала, — отвечает ему лунь-птица, — давно стережет ее старый жиж.

— Войди, Иван-царевич, — жалобно прозвенел из терема голос.

По ледяному мосту пробежал, распахнул ворота Иван-царевич — оскалились медвежьи головы. Вышиб ногой дверь в светлицу: видит — на нетопленной печурке сидит жиж, голова у него медная, глазами ворочает.

— Ты зачем объявился? Или две головы на плечах? — зарычал жиж.

Прицелился Иван-царевич и вогнал золотую стрелу между глаз старому жижу.

Упал жиж, дым повалил у него изо рта, вылетело красное пламя и поняло терем. Иван-царевич побежал в светлицу. У окна, серебряными цепями прикована, сидит Алая-Алица, плачет... Разрубил цепи, взял Иван-царевич на руки царевну и выскочил с ней в окошко.

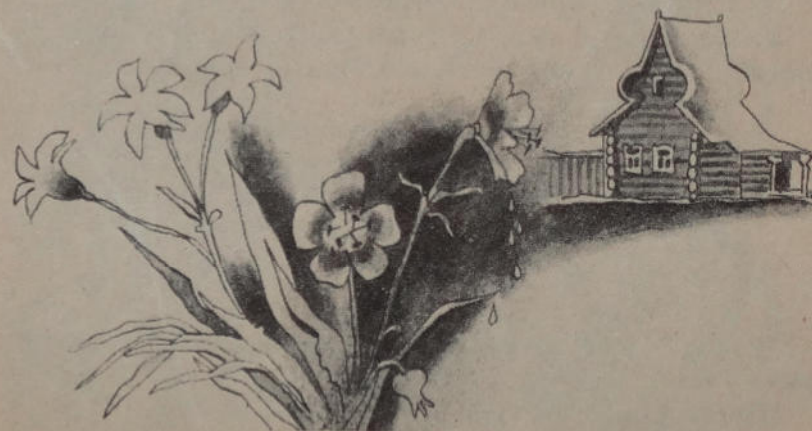
Рухнул зимний терем и облаком поднялся к синему небу. Сбежал снег с поляны, на земле поднялись, зацвели цветы. Распустились по деревьям клейкие листья.

Откуда ни возьмись прибежали тоненькие, синие еще от зимнего недоеда, русалки-мавки, закачались на деревьях; пришел журавль на одной ноге; закуковала кукушка; лешие захлопали в деревянные ладоши; позык аукался.

Шум, гам, пение птичье...

И по синему небу раскатился, загрохотал апрельский гром.

И узнали все на свете, что Иван-царевич справляет свадьбу с Алой-Алицей, весенней царевной.

ИВАН ДА МАРЬЯ

Десятая неделя после пасхи — купальские дни.

Солнце самый пуп земли печет, и зацветает дивная Полынь-трава. В озера, на самое зеленое дно, под коряги подводные, под водоросли глядит огненное солнце.

Негде упрятаться русалкам-мавкам, и в тихие вечера да в лунные ночи уходят они из вод озерных и хоронятся в деревьях, и зовут их тогда древяницами.

Это присказка, а сказка вот такая.

Жили-были брат Иван да сестра Марья в избенке на берегу озера.

Озеро тихое, а слава о нем дурная: водяной шалит.

Встанет над озером месяц, начнут булькать да ухать в камышинных заводях, захлопают по воде словно вальками, и выкатит из камышей на дубовой коряге водяной, на голове колпак, тинной обмотан. Увидишь, прячешься — под воду утянет.

Строго брат Иван наказывал сестре Марье:

— Отлучусь я, так ты после сумерек из хаты — ни ногой, песни не пой над озерной водой, сиди смирно, тихо, как мыши сидят...

— Слушаю, братец! — говорит Марья.

Ушел Иван в лес. Скучно стало Марье одной за станком сидеть; облокотилась она и запела:

Где ты, месяц золотой? —
Ходит месяц над водой, —
В глыбко озеро взглянул,
В темных водах утонул...

Вдруг стукнуло в ставню.

— Кто тут?

— Выдь к нам, выдь к нам, — говорят за ставней тонкие голоса.

Выбежала Марья и ахнула.

От озера до хаты — хороводы русалочки.

Русалки-мавки взяли за руки, кружатся, смеются, играют.

Всплеснула Марья ладошками. Куда тут! — обступили ее мавки, венок надели...

— К нам, к нам в хоровод, ты краше всех, будь наша царица. — Взяли Марью за руки и закружились.

Вдруг из камыша вылезла синяя, раздутая голова в колпаке.

— Здравствуй, Марья, — захрипел водяной, — давно я тебя поджидал... — И потянулся к ней лапами...

Поздним утром пришел Иван. Туда, сюда, — нет сестрицы. И видит — на берегу башмаки ее лежат и поясок.

Сел Иван и заплакал.

А дни идут, солнце ближе к земле надвигается.
Настала купальская неделя.

«Уйду, — думает Иван, — к чужим людям век доживать, вот только лапти новые справлю».

Нашел за озером липку, ободрал, сплел лапти и пошел к чужим людям.

Шел, шел, видит — стоит голая липка, с которой он лыки драл.

«Ишь ты, назад завернул», — подумал Иван и пошел в другую сторону.

Кружил по лесу и опять видит голую липку.

— Наваждение, — испугался Иван, побежал рысью.

А лапти сами на старое место загибают...

Рассердился Иван, замахнулся топором и хочет липку рубить. И говорит она человеческим голосом:

— Не руби меня, милый братец...

У Ивана и топор вывалился.

— Сестрица, ты ли?

— Я, братец; царь водяной меня в жены взял, теперь я древяница, а с весны опять русалкой буду... Когда ты с меня лыки драл, наговаривала я, чтобы не уходил отсюда далеко.

— А нельзя тебе от водяного уйти?

— Можно, найти нужно Полынь-траву на зыбком месте и мне в лицо бросить.

И только сказала, подхватили сами лапти, понесли Ивана по лесу.

Ветер в ушах свистит, летят лапти над землей, поднимаются, и вверх в черную тучу мчится Иван.

«Не упасть бы», — подумал и зацепился за серую тучу — зыбкое место.

Пошел по туче — ни куста кругом, ни травинки.

Вдруг зашевелился под ногами и выскочил из тучевой ямы мужичок с локоток, красная шапочка.

— Зачем сюда пришел? — заревел мужичок, как бык, откуда голос взялся.

— Я за Полынь-травой, — поклонился Иван.

— Дам тебе Полынь-траву, только побори меня цыганской ухваткой.

Легли они на спины, по одной ноге подняли, зацепились, потянули.

Силен мужичок с локоток, а Ивану лапти помогают.

Стал Иван перетягивать.

— Счастье твое, — рычит мужичок, — быть бы тебе на седьмом небе, много я закинул туда вашего брата. Получай Полынь-траву. — И бросил ему пучок.

Схватил траву, побежал вниз Иван, а мужичок с локоток как заревет, как загрохочет и язык красный из тучи то метнет, то втянет.

Добежал до липки Иван и видит — сидит на земле страшный дед, водит усами...

— Пусти, — кричит Иван, — знаю, кто ты, не хочешь ли этого? — И ткнул водяному в лицо Полынь-травой.

Вспучился водяной, лопнул и побежал ручьем быстрым в озеро.

А Иван в липку бросил Полынь-траву, вышла из липки сестрица Марья, обняла брата, заплакала, засмеялась.

Избушку у озера бросили они и ушли за темный лес — на чистом поле жить, не разлучаться.

И живут неразлучно до сих пор и кличут их всегда вместе — Иван да Марья, Иван да Марья.

КИКИМОРА

Над глиняным яром — избушка, в избушке старушка живет и две внучки: старшую зовут Моря, младшую Дуничка.

Один раз — ночью — лежит Моря на печи, — не спится. Свесила голову и видит.

Отворилась дверь, вошла какая-то лохматая баба, вынула Дуничку из люльки и — в дверь — и была такова.

Закричала Моря:

— Бабынька, бабынька, Дуньку страшная баба унесла...

А была та баба — кикимора, что крадет детей, а в люльку подкладывает вместо них полено.

Бабушка — искать-поискать, да, зная, кикимора под яр ушла в омут зеленый. Вот слез-то что было!

Тоскует бабушка день и ночь. И говорит ей Моря:

— Не плачь, бабушка, я сестрицу отыщу.

— Куда тебе, ягодка, сама только пропадешь.

— Отыщу да отыщу, — твердит Моря. И раз, когда звезды высыпали над яром, Моря выбежала крадучись из избы и пошла куда глаза глядят.

Идет, попрыгивает с ноги на ногу и видит — стоит над яром дуб, а ветки у дуба ходуном ходят. Подошла ближе, а из дуба торчит борода и горят два зеленых глаза...

— Помоги мне, девочка, — крихтит дуб, — никак не могу нынче в лешего обратиться, опояшь меня пояском.

Сняла с себя Моря пояс, опоясала дуб. Запыхтело под корой, завожилось, и встал перед Морей старый леший.

— Спасибо, девка, теперь проси чего хочешь.

— Научи, дедушка, где сестрицу отыскать, ее злая кикимора унесла.

Начал леший чесать затылок...

А как начесался — придумал.

Вскинул Морю на плечи и побежал под яр, вперед пятками.

— Садись за куст, жди, — сказал леший и на берегу омута обратился в корягу, а Моря спряталась за его ветки.

Долго ли так, коротко ли, замутился зеленый омут, поднялась над водой косматая голова, фыркнула, поплыла и вылезла на берег кикимора. На каждой руке ее по пяти большеголовых младенцев — игошей — и еще один за пазухой.

Села кикимора на корягу, кормит игошей волчьими ягодами. Младенцы едят, ничего, — не давятся.

— Теперь твоя очередь, — густым голосом сказала кикимора и вынула из-за пазухи ребеночка.

— Дуничка! — едва не закричала Моря.

Смотрит на звезды, улыбается Дуничка, сосет лохматую кикиморину грудь.

А леший высунул сучок корявый да за ногу кикимору и схватил...

Хотела кинуться кикимора в воду — никак не может.

Игоши рассыпались по траве, режут пороссячьими голосами, дрыгаются. Вот пакость!

Моря схватила Дуничку — и давай бог ноги.

— Пусти — я девчонку догоню, — взмолилась к лешему кикимора.

Стучит сердце. Как ветер летит Моря. Дуничка ее ручками за шею держит...

Уже избушка видна... Добежать бы...

А сзади — погоня: вырвалась кикимора, мчится вдогонку, визжит, на сажень кверху подсигивает...

— Бабушка! — закричала Моря.

Вот-вот схватит ее кикимора.

И запел петух: «Кукареку, уползай, ночь, пропади, нечисть!»

Осунулась кикимора, остановилась и разлилась туманом, подхватил ее утренний ветер, унес за овраг.

Бабушка подбежала. Обняла Моря, взяла Дуничку на руки. Вот радости-то было.

А из яра хлопал деревянными ладошами, хохотал старый дед-леший. Смешливый был старичок.

ИЗ СБОРНИКА
«СОРОЧЬИ СКАЗКИ»

СОРОКА

За калиновым мостом, на малиновом кусту калачи медовые росли да пряники с начинкой. Каждое утро прилетала сорока-белобочка и ела пряники.

Покушает, почистит носок и улетит детей пряниками кормить.

Раз спрашивает сороку синичка-птичка:

— Откуда, тетенька, ты пряники с начинкой таскаешь? Моим детям тоже бы их поесть охота. Укажи мне это доброе место.

— А у черта на куличках, — отвечала сорока-белобочка, обманула синичку.

— Неправду ты говоришь, тетенька, — пискнула синичка-птичка, — у черта на куличках одни сосновые шишки валяются, да и те пустые. Скажи — все равно выслежу.

Испугалась сорока-белобочка, пожадничала. Полетела к малиновому кусту и съела и калачи медовые, и пряники с начинкой, все дочиста.

И заболел у сороки живот. Насилу домой доплелась. Сорочат растолкала, легла и охает...

— Что с тобой, тетенька? — спрашивает синичка-птичка. — Или болит чего?

— Трудилась я, — охает сорока, — истомилась, кости болят.

— Ну, то-то, а я думала другое что, от другого чего я средство знаю: трава Сандрит, от всех болезней целит.

— А где Сандрит-трава растет? — взмолилась сорока-белобочка.

— А у черта на куличках, — ответила синичка-

птичка, крылышками детей закрыла и заснула.

«У черта на куличке одни сосновые шишки, — подумала сорока, — да и те пустые», — и затосковала: очень живот болел у белобочкой.

И с боли да тоски на животе сорочьем перья все повылезли, и стала сорока — голобока.

От жадности.

МЫШКА

По чисту снегу бежит мышка, за мышкой дорожка, где в снегу лапки ступали.

Мышка ничего не думает, потому что в голове у нее мозгу — меньше горошины.

Увидала мышка на снегу сосновую шишку, ухва-

тила зубом, скребет и все черным глазом поглядывает — нет ли хоря.

А злой хорь по мышиным следам ползет, красным хвостом снег метет.

Рот разинул — вот-вот на мышь кинется...

Вдруг мышка царапнула нос о шишку, да с перепугу — нырь в снег, только хвостом вильнула. И нет ее.

Хорь даже зубами скрипнул — вот досада. И побрел, побрел хорь по белому снегу. Злющий, голодный — лучше не попадайся.

А мышка так ничего и не подумала об этом случае, потому что в голове мышинной мозгу меньше горошины. Так-то.

ЕЖ

Теленок увидел ежа и говорит:

— Я тебя съем!

Еж не знал, что теленок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

— Попробуй...

Здрав хвост, запрыгал глупый теленок, боднуть норовит, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

— Ой, ой, ой! — заревел теленок и побежал к корове-матери, жалуется:

— Еж меня за язык укусил.

Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А еж покатился в темную нору под рябиновый корень и сказал ежихе:

— Я огромного зверя победил, должно быть, льва!

И пошла слава про храбость ежову за синее озеро, за темный лес.

— У нас еж — богатырь, — шепотом со страху говорили звери.

КОТ ВАСЬКА

У Васьки-кота поломались от старости зубы, а ловить мышей большой был охотник Васька-кот.

Лежит целые дни на теплой печурке и думает — как бы зубы поправить...

И надумал, а надумавши, пошел к старой колдунье.

— Баушка, — замурлыкал кот, — приставь мне зубы, да острые, железные, костяные-то я давно обломал.

— Ладно, — говорит колдунья, — за это отдашь мне то, что поймашь в первый раз.

Поклялся кот, взял железные зубы, побежал домой.

Не терпится ему ночью, ходит по комнате, мышей вынюхивает.

Вдруг будто мелькнуло что-то, бросился кот, да, видно, промахнулся.

Пошел — опять метнулось.

«Погоди же!» — думает кот Васька, остановился, глаза скосил и поворачивается, да вдруг как прыгнет, завертелся волчком и ухватил железными зубами свой хвост.

Откуда ни возьмись явилась старая колдунья.

— Давай, — говорит, — хвост по уговору.

Заурлыкал кот, замаякал, слезами облился. Делать нечего. Отдал хвост. И стал кот — куций. Лежит целые дни на печурке и думает: «Пропади они, железные зубы, пропадом!»

ПЕТУШКИ

На избушке бабы-яги, на деревянной ставне, вырезаны девять петушков. Красные головки, крылышки золотые.

Настанет ночь, проснутся в лесу древяницы и

кикиморы, примутся ухать да возиться, и захочется петушкам тоже ноги поразмять.

Соскочат со ставни в сырую траву, нагнут шейки и забегают. Щиплют траву, дикие ягоды. Леший попадется, и лешего за пятку ущипнут.

Шорох, беготня по лесу.

А на заре вихрем примчится баба-яга на ступе с трещиной и крикнет петушкам:

— На место, бездельники!

Не смеют ослушаться петушки и, хоть не хочется, — прыгают в ставню и делаются деревянными, как были.

Но раз на заре не явилась баба-яга — ступа дорогой в болоте завязла.

Радехоньки петушки; побежали на чистую кулижку, взлетели на сосну. Взлетели и ахнули.

Дивное диво! Алой полосой над лесом горит небо, разгорается; бегают ветер по листикам; садится роса.

А красная полоса разливается, яснее. И вот выкатило огненное солнце.

В лесу светло, птицы поют, и шумят, шумят листья на деревьях.

У петушков дух захватило. Хлопнули они золотыми крылышками и запели — кукареку! С радости.

А потом полетели за дремучий лес на чистое поле, подальше от бабы-яги.

И с тех пор на заре просыпаются петушки и кукарекут.

— Кукареку, пропала баба-яга, солнце идет!

ИЗ СБОРНИКА
«СКАЗКИ И РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

ПОЛКАН

На весеннем солнышке греется пес Полкан.
Морду положил на лапы, пошевеливает ушами —
отгоняет мух.

Дремлет пес Полкан, зато ночью, когда на цепь
посадят, — не до сна.

Ночь темна, и кажется все — крадется кто-то
вдоль забора.

Кинешься, тявкнешь, — нет никого.

Или хвостом по земле застучает, по-собачьи; нет
никого, а стучает...

Ну, с тоски и завоешь, и подтянет вон там, за
амбаром, залется чей-то тонкий голос.

Или над поветью глазом подмигивать начнет,
глаз круглый и желтый.

А потом запахнет под носом волчьей шерстью.

Пятишься в будку, рычишь.

А уж жулики — всегда за воротами стоят, всю
ночь.

Жулика не страшно, а досадно — зачем стоит.

Чего-чего не перевидишь ночью-то.. ох, хо...

Пес долго и сладко зевнул и по пути щелкнул
муху.

Поспать бы.

Закрыв глаза, и представилась псу светлая ночь.

Над воротами стоит круглый месяц — лапой до-
стать можно. Страшно. Ворота желтые.

И вдруг из подворотни высунулись три волчьих
головы, облизнулись и спрятались.

«Беда», — думает пес, хочет завывать и не может.

Потом три головы над воротами поднялись, облизнулись и спрятались.

«Пропаду», — думает пес.

Медленно отворились ворота, и вошли три жулика с волчьими головами.

Прошлись кругом по двору и начали все воровать.

— Укроем телегу, — сказали жулики, схватили, украли.

— И колодец украдем, — схватили, и пропал и журавль и колодец.

А пес ни таякнуть, ни бежать не может.

— Ну, — говорят жулики, — теперь самое главное!

«Что самое главное?» — подумал пес и в тоске упал на землю.

— Вон он, вон он, — зашептали жулики.

Крадутся жулики ко псу, приседают, в глаза глядят.

Со всею силою собрался пес и помчался вдоль забора, кругом по двору.

Два жулика за ним, а третий забежал, присел и рот разинул. Пес с налета в зубастую пасть и махнул.

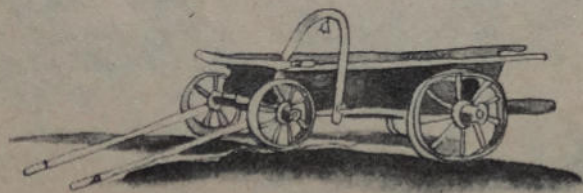
— Уф, аф, тяф, тяф...

Проснулся пес... на боку лежит и часто, часто перебирает ногами.

Вскочил, залаял, побежал к телеге, понюхал, к колодцу подбежал, понюхал — все на месте.

И со стыда поджал пес Полкан хвост да боком в конуру и полез.

Рычал.

ЖАР-ПТИЦА

У царевны Марьяны была нянька Дарья.

Пошла Дарья на базар, купила кенареечную птичку и повесила на окно. Царевна Марьяна в кровати лежит и спрашивает:

— Нянька, а как птицу зовут?

— Кенареечная.

— А почему?

— Потому что конопляное семя ест.

— А где ее дом?

— На солнышке.

— А зачем она ко мне прилетела?

— Чтобы тебе песни петь, чтобы ты не плакала.

— А если заплачу?

— Птичка хвостом тряхнет и улетит.

Жалко стало царевне с птичкой расстаться, глаза Марьяна потеряла и заплакала.

А птичка хвостом тряхнула, открыла клетку, шмыг за окно и улетела.

Принялась Дарья царевне Марьяне глаза фартуком вытирать и говорит:

— Не плачь, я сбегая, великана Веньку позову, он птичку нам поймает.

Пришел высокий великан Венька, о четырех глазах — два глаза видно, а два не видно.

Постоял Венька и говорит:

— Я есть хочу.

Принесла ему Дарья горшок каши.

Великан кашу съел и горшок съел, нашел нянькины башмаки и башмаки съел — такой был голодный, — рот вытер и убежал.

Прибегает великан в Марьянин сад, а в саду на яблоне кенареечная птичка сидит и клюет красные яблоки. Великан и думает: что ему сначала схватить — яблоко или птичку?

И пока думал, явился лютый медведь и говорит:

— Ты зачем кенареечную птицу ловишь? Я тебя съем.

И стал медведь лапой землю скрести.

Великан испугался, сел на дом и ноги поджал, а птичка шмыг в кусты и улетела за озеро.

Огорчился великан и принялся думать, как ему медведя перехитрить; придумал, — нарочно испугался и закричал:

— Ой, рыжий бык бежит, ой, боюсь!

Медведь одного только рыжего быка и боялся на свете, сейчас же лег на бок и морду в кусты засунул — спрятался.

А великан с крыши слез и к озеру побежал.

Озеро было длинное — не перейти, а на той стороне на ветке птичка сидит.

Великан был догадливый, сейчас же лег на берег и стал озеро пить.

Пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил, пил пил, пил и выпил все озеро вместе с лягушками.

Встал на четвереньки и побежал за птичкой по сухому дну.

А птичка дальше в темный лес улетела.

Неудобно великану по лесу идти, деревья за подмышки задевают, озеро в животе с лягушками плещется, и настает темный вечер.

По вечерам лягушки квакать привыкли, и принялись они в животе у великана громко квакать.

Великан испугался, стал аиста звать.

Проснулся белый аист; стоял он на одной ноге на сухом пеньке; глаза протер, подождал, пока луна взойдет, чтобы виднее было, подлетел к великану и говорит:

— Раскрой рот.

Великан раскрыл рот, аист туда голову сунул, поймал лягушонка и проглотил.

Тогда кричит из живота лягушиный царь:

— Прогони белого аиста, я тебе сундучок подарю, без него птички не поймаешь.

Великан знал, что лягушиный царь — честный, рот закрыл и говорит:

— Уходи, белый аист, чай, уж наелся.

А лягушиный царь вылез в великанов рот, лапой подал хрустальный сундучок и объяснил:

— В сундуке туча, в туче с одного края молния, с другого — дождик, сначала погрозись, потом открывай, птица сама поймается.

Обрадовался великан, взял сундучок и дальше побежал за кенареечной птичкой.

А птичка через темный овраг летит и через высокую гору, и великан через овраг лезет, и на гору бежит, пыхтит, до того устал — и язык высунул, и птичка язык высунула.

Великан и кричит птичке:

— Царевна Марьяна приказала тебя поймать, остановись, а то сундучок открою...

Не послушалась птичка великана, только ногой по ветке топнула.

Тогда великан открыл сундучок.

Вылетела из сундучка сизая туча, кинулась к птичке и заворчала.

Испугалась птичка, закричала жалобно и метнулась в кусты.

И туча в кусты полезла.

Птичка под корень, и туча под корень.

Взвилась птичка в небо, а туча еще выше, да как раскатилась громом и ударила в птичку молнией — трах!

Перевернулась птичка, посыпались с нее кенареечные перья, и вдруг выросли у птицы шесть золотых крыльев и павлиний хвост.

Пошел от птицы яркий свет по всему лесу.

Зашумели деревья, проснулись птицы.

Ночные русалки с берега в воду попрыгали.

И закричали звери на разные голоса:

— Жар-птица, Жар-птица!!!

А туча напыжилась и облила Жар-птицу мокрым дождем.

Замочил дождик золотые крылья Жар-птице и павлиний хвост, сложила она мокрые крылья и упала в густую траву.

И стало темно, ничего не видно. Великан в траве пошарил, схватил Жар-птицу, сунул за пазуху и побежал к царевне Марьяне. Царевна Марьяна привередничала, губы надула сковородником, пальцы растопырила и хныкала:

— Я, нянька, без кенареечной птички спать не хочу.

Вдруг прибежал великан и на окно посадил Жар-птицу.

И в комнате светло, как днем.

Жар-птица за пазухой у великана пообсохла, теперь крылья расправила и запела:

Я медведя не боюсь,
От лисы я схоронюсь,
Улечу и от орла,
Не догонит в два крыла.
А боюсь я только слез,
Ночью дождика и рос,
И от них умчуся я
За леса и за моря
Свету-Солнцу я сестрица,
И зовут меня Жар-птица.

Спела Жар-птица, потом сделала страшные глаза и говорит:

— Вот что, никогда, Марьяна, не хныкай, слушайся няньку Дарью, тогда я каждую ночь буду к тебе прилетать, петь песни, рассказывать сказки и во сне показывать раскрашенные картинки.

Затрещала крыльями Жар-птица и улетела.

Кинулась Дарья опять за великаном, а великан спал в саду — одна нога в пруду, другая на крыше, и в животе лягушки квакали.

Царевна же Марьяна больше плакать не стала, глазки закрыла и заснула.

Знала Марьяна, что каждую ночь будет прилетать к ней Жар-птица, садиться на кровать и рассказывать сказки.

ПРОЖОРЛИВЫЙ БАШМАК

В детской за сундуком лежал медведюшка, — его туда закинули, он и жил.

В столе стояли оловянные солдаты с ружьями наперевес.

В углу в ящике жили куклы, старый паровоз, пожарный с бочкой, дикая лошадь без головы, собачка резиновая да собачка, которая потерялась, — полон ящик.

А под кроватью валялся старый нянькин башмак и просил каши.

Когда нянька зажигала ночник на стене, говорила «ох, грехи» и валилась на сундук, слетал тогда с карниза зазимовавший комар и трубил в трубу, которая у него приделана к носу:

— На войну, на войну!

И тотчас выпрыгивали из стола солдаты, солдатский генерал на белом коне и две пушки.

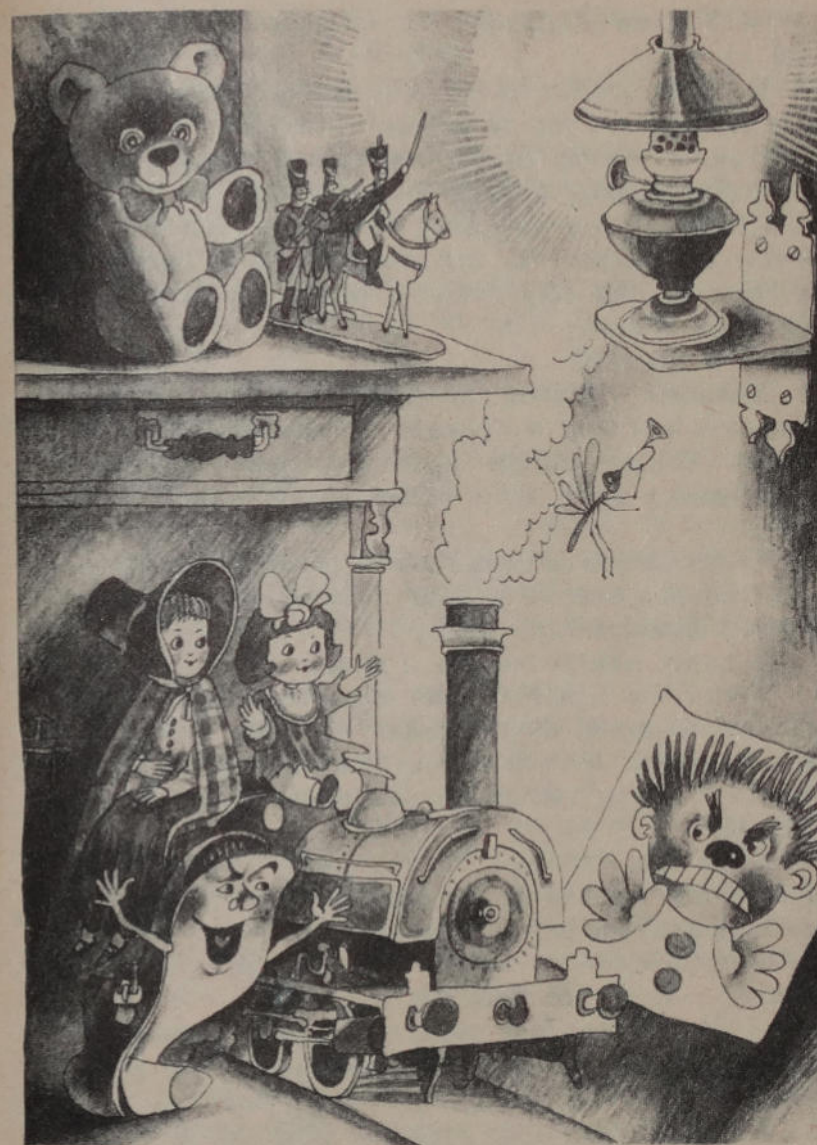
Из-за сундука лез медведюшка, расправлял четыре лапы.

С ящика в углу соскакивала крышка, выезжал оттуда паровоз и на нем две куклы — Танька и Манька, пожарный катил бочку, собачка резиновая нажимала живот и лаяла, собачка, которая потерялась, нюхала пол и скребла задними лапами, лошадь без головы ржала, что ничего не видит, и вместо головы у нее торчал чулок.

А после всех вылезал из-под кровати нянькин башмак и клячил:

— Каши, каши, каши!

Но его никто не слушал, потому что все бежали к солдатам, которые, как самые храбрые, бросались вперед к пузатому комоду.

А под комодом лежала страшная картинка. На картинке была нарисована рожа с одними руками.

Все смотрели под комод, куклы трусили, но под комодом никто не шевелился, и куклы сказали:

— Только напрасно нас напугали, мы пойдем чай пить.

И вдруг все заметили, что на картинке рожи нет, а рожа притаилась за ножкой комода.

Куклы тотчас упали без чувств, и паровоз увез их под кровать, лошадь встала на дыбы, потом на передние ноги, и из шеи у нее вывалился чулок, собачки притворились, что ищут блох, а генерал отвернулся — так ему стало страшно, и скомандовал остаткам войска:

— В штыки!

Храбрые солдаты кинулись вперед, а рожа выползла навстречу и сделала страшное лицо: волосы у нее стали дыбом, красные глаза завертелись, рот пополз до ушей, и щелкнули в нем желтые зубы.

Солдаты разом воткнули в рожу тридцать штыков, генерал сверху ударил саблей, а сзади хватили в рожу бомбами две пушки.

В дыму ничего не стало видно.

Когда же белое облако поднялось к потолку — на полу в одной куче лежали измятые и растерзанные солдаты, пушки и генерал. А рожа бежала по комнате на руках, перекувыркивалась и скрипела зубами.

Видя это, собачки упали кверху лапами, прося прощения, лошадь брыкалась, нянькин башмак стоял дурак дураком, разиня рот, только пожарный с бочкой ничего не испугался, он был «Красный Крест» — и его не трогали.

— Ну, теперь мой черед, — сказал медведь; сидел он позади всех на полу, а теперь вскочил, разинул рот и на мягких лапах побежал за рожей.

Рожа кинулась под кровать — и медведь под кровать, рожа за горшок — и медведь за горшок.

Рожа выкатилась на середину комнаты, присела, а когда медведь подбежал, подпрыгнула и отгрызла ему лапу.

Завыл медведь и улез за сундук.

Осталась рожа одна; на левую руку оперлась, правой погрозилась и сказала:

— Ну, теперь я примусь и за ребятишек, или уж с няньки начать?

И стала рожа к няньке подкрадываться, но видит — свет на полу, обернулась к окну, а в окне стоял круглый месяц, ясный, страшный, и, не смигнув, глядел на рожу.

И рожа от страха стала пятиться, пятиться прямо на нянькин башмак, а башмак разевал рот все шире и шире.

И когда рожа дотянулась, башмак чмокнул и проглотил рожу.

Увидев это, пожарный с бочкой подкатился ко всем раненым и убитым и стал поливать их водой.

От пожарной воды ожили генерал, и солдаты, и пушки, и собаки, и куклы, у медведя зажила лапа, дикая лошадь перестала брыкаться и опять проглотила чулок, а комар слетел с карниза и затрубил отбой.

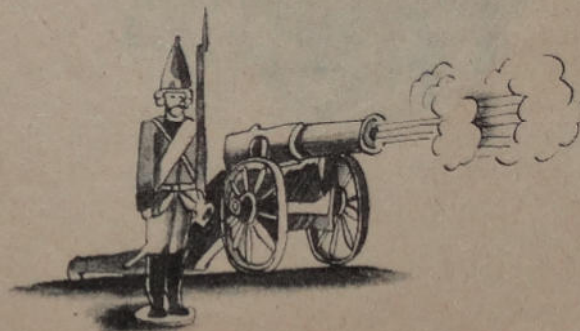
И все живо прыгнули по местам.

А башмак тоже попросил водицы, но и это не могло. Башмак потащился к комоду и сказал:

— Уж больно ты, рожа, невкусная.

Понатужился, сплющился, выплюнул рожу и шмыгнул под кровать.

А рожа насилу в картинку влезла и больше из-под комода ни ногой, только иногда по ночам, когда мимо комода медведюшка пробегает или едут на паровозе куклы, — ворочает глазами, пугает.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ СБОРНИКА «РУСАЛОЧЬИ СКАЗКИ»

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И АЛЯЯ-АЛИЦА	3
ИВАН ДА МАРЬЯ	6
КИКИМОРА	10

ИЗ СБОРНИКА «СОРОЧЬИ СКАЗКИ»

СОРОКА	14
МЫШКА	15
ЁЖ	16
КОТ ВАСЬКА	17
ПЕТУШКИ	—

ИЗ СБОРНИКА «СКАЗКИ И РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

ПОЛКАН	20
ЖАР-ПТИЦА	23
ПРОЖОРЛИВЫЙ БАШМАК	28

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

**В серии «Книга за книгой»
в 1989 году
для школьников младшего возраста
выходят следующие произведения
русских писателей-классиков
и фольклора:**

ТРИДЦАТЬ ТРИ ЕГОРКИ
Скороговорки

Майков А. СТИХОТВОРЕНИЯ

Маяковский В. ПЕСНЯ-МОЛНИЯ
Стихотворения

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА
Алексей Николаевич Толстой

СКАЗКИ

Ответственный редактор Н. И. Поевянская
Художественный редактор Н. З. Левинская
Технический редактор М. В. Гагарина
Корректор Н. С. Ломовцева

ИБ № 11272

Сдано в набор 26.10.88. Подписано к печати 20.02.89. Формат 60×90^{1/16}. Бум. офсетная № 2. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,0. Усл. кр.-отт. 2,5. Уч.-изд. л. 1,46. Тираж 3000-000 экз. Заказ № 2437. Цена 10 к. Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР, 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

